

«Неопознанный политический субъект» и его контекст

В вышедший в серии «Библиотека журнала «ИНТЕЛПРОС» сборник статей политического философа Александра Неклессы¹ вошли работы, написанные

¹ А. И. Неклесса. Люди воздуха, или кто строит мир? М., Институт экономических стратегий, 2005. 224 с.

уже в новом веке (и, соответственно, тысячелетии). Книга, таким образом, представляет своеобразный отчет автора за годы, прошедшие после этой значимой календарной вехи. Послесловие же к ней — краткий, сжатый очерк, обобщающий творчество автора в целом. Написано оно отнюдь не в розовых тонах, местами являя собой острую полемику с автором; однако Вадим Цымбурский, кажется, нашел ту «золотую пропорцию», позволяющую критически обобщать эволюцию взглядов автора, одновременно добросовестно раскрывая и интерпретируя их содержание.

Автор «Людей воздуха» — пожалуй, единственный на сегодняшний день отечественный светский мыслитель, пытающийся говорить о феноменологии того, что собирательно именуется постиндустриализмом, с позиции последовательного христианского мировоззрения. И говорить не с апокалиптической безысходной исступленностью, но системно и аналитически, обрамляя при этом свое видение творческой метафорикой. Взять хотя бы образ «сетевой корпорации христиан» — насколько адекватно он передает социальную механику, благодаря которой новая вера утвердилась на просторах евроазиатской Ойкумены *Universum Christianum*?

Этот образ транслируется автором и на (пост)современность; и тут вдруг оказывается, что новая реальность вполне прочитывается через ситуацию более чем полуторатысячелетней давности...

Сколь удивительно, к примеру, уподобление финансовой стихии действию... благодати, что, в общем-то, отражает мощь, характерные свойства и потенцию этого энергичного (энергийного?) субститута, аналога и своеобразной карикатуры, созданной человеческим миром. Подобные аналогии порой звучат слишком уж дерзновенно, однако, по мысли Неклессы, они способны *реанимировать* (то есть в буквальном смысле вернуть душу) в христианский проект Спасения, кажется, безнадежно ускользающий от нас в эклектичных коллажах Постмодерна, когда появляется шанс «прочитать в обновленной среде *прежние* основания в виде *иной* культурной и социальной версии мироустройства» (С. 66). Но именно только шанс, а вовсе не гарантия. Нам неведомы сроки, но дана способность угадывать знаки. В последние годы и десятилетия не так уж редко казалось, что в умножающихся на глазах пространствах социального Постмодерна раздается топот всадников Апокалипсиса. Однако сама бесконечность интерпретаций этих пространств оставляет за нами «предельную свободу действия», когда в неисчислимой «множественности прозрений и ослеплений возникает проблема удержания и обновления оснований» — если, конечно, воля

превозмогает искусства многих внешних и внутренних мотиваций.

Такое «обновление оснований» Неклесса называет *революцией*, или «новоротом», возвращением к началам, к истоку» (С. 67). Столь глубинное понимание революционного действия, произрастающего из религиозно-мистического опыта, возможно, и объясняет авторскую готовность обратиться к нему как эффективному средству осуществления подлинных прорывных социальных проектов...

Остается лишь сожалеть, что в книгу не вошла фундаментальная работа Неклесса, посвященная «неопознанной культуре» — гностицизму, прочитанному не только как фермент капиталистической цивилизации, но и — что гораздо важнее — ее (пост)современного продолжения. Данное обстоятельство вынуждает рецензента хотя бы конспективно изложить авторское видение проблемы, тем более что именно через гностические аллюзии наиболее удачно раскрываются две основные проблемы рассматриваемой книги — главного субъекта (пост)современной политики и среды его самореализации.

Действительно, *непредопределенность* эсхатологической перспективы вновь и вновь возрождает из пепла пусть и в иных обликах онтологический дуализм, претворяющийся на социальном уровне в радикальный элитаризм; иерархический эзотеризм, оборачивающийся стремлением к выстраиванию потаенной власти, функционирующей параллельно с властью официальной; схоластическое «системное мышление» как тягу к придумыванию нумерологических кодов и тиражированию бесконечных миров — все это тайные и явные атрибуты исторического конкурента христианства, оформившегося в эпоху Поздней Античности в виде гностического учения.

Гностицизм удивительно похож на некое «упрощенное христианство», весьма удобное для доминирующей в ситуации Постмодерна «потребительской логики». Вместе с тем нельзя не заметить «странной тяги» гностицизма к христианству:

различие между ними порой сводится лишь к акцентам, хотя доктринально они противоположны. Гностицизм как квинт-эссенция нигилизма есть наглядный пример *культуры смерти*; христианство же, напротив, предназначено для спасения падшего мира.

И в полном соответствии с этими родовыми знаками «двойничества-оборотничества» гностицизма в эпоху Средневековья, уже на самом пороге Возрождения, параллельно разработанному и реализуемому проекту Спасения (достаточно различным образом, в соответствии с той или иной интерпретацией) в пространстве *Universum Christianum* утверждается иная сложно организованная социальная конструкция. Это особый рынок, со своими догмами и канонами, правилами и технологиями, рынок, превращавшийся со временем в своеобразный «мир-двойник» наметившихся форм бытия. Рынок, который выстраивал уже собственный глобальный проект — возведения вселенского *Pax Oeconomica*. Духовным же тиглем капитализма оказались «разноконфессиональные», как их определяет А. Неклесса, однако единые в своей гностической основе ереси, создавшие систему, оказавшуюся «черновином», прообразом грядущих ТНБ, ТНК, а также появляющихся лишь сейчас в социальном космосе (пост)современности «астероидных групп» и виртуальных сообществ-государств.

Неклесса рисует впечатляющую картину сотворения *Pax Oeconomica* как закономерного результата деятельности средневековых гностических сект, дающих им конкурентные преимущества для создания в теле *public market* собственного хорошо организованного, отлаженного *private market*: «Изгнанные из легального мира, вынужденные жить в нем “в масках”, общаться между собой непрямой образом сектанты вскоре обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для “системных операций”»; иначе говоря, владеют гото-

вым механизмом для успешной реализации сговора и контроля над той или иной ситуацией, для разработки и проведения в жизнь сложных, многошаговых проектов, крупных (суммарных, коллективных) капиталовложений, доверительных соглашений, требующих долгого оборота средств и одновременного, деятельного соприсутствия в разных точках земли»².

² См. А. И. Неклесса. Неопознанная культура. Гностические корни пост-современности. — «Восток (Oriens)». 2002. № 1. С. 129–130, 132–133.

Обратимся к необычному названию сборника. Что кроется за загадочным латинским выражением *Homines aeris*? Исчерпывается ли его значение переводом, вынесенным на титульный лист книги, — «Люди воздуха»? На первой же странице книги отмечена и частично расшифрована полисемантическая многозначность данного названия. А в послесловии Цымбурского — профессионального филолога-классика — приводится подробное декодирование этого образа и возможные варианты его интерпретации: «люди мглы»; «сыны отступничества», подвластные «веку (эре) мира сего»; повелитель, господствующий над «воздухом» века сего; «люди века неблагородных металлов»; наконец, просто «люди денег» и «люди мзды» (С. 202).

Приведенная сумма лексических значений указывает, что на обложке книги поименованы нынешние наследники средневекового «гностического андеграунда», соборные элементы того самого «неопознанного субъекта», который делает погоду в постиндустриальном мире, властители тонких сфер бытия, эфирокрыты и нетократы, конструкторы виртуальной реальности, вытесняющей за пределы жизненного горизонта земную повседневность — арену, на которой вот уже почти две тысячи лет разыгрывается драматическая битва за спасение оступившегося человека. (Пост)современный капитализм все явственнее реализует себя как ипостась гностического *Pax Oeconomicana*, который и есть «неопознанный контекст» бытия *Homines aeris*.

Здесь, вероятно, мы подошли к главному замыслу книги. Если следовать упрощенной логике, то построения Неклесса, выступающего, с нашей точки зрения (еще раз подчеркнем эту мысль), именно в качестве христианского мыслителя, следовало бы воспринимать как прелюдию к анафеме в адрес обозначенных «посланцев князя тьмы». Но насколько жизнеспособна подобная жесткая аксиология, выводящая за пределы благодатного космоса всю корпорацию причастных к постиндустриальному производству? И не в том ли предназначение христианина, чтобы через веру обретать понимание, руководствоваться им в перипетиях земной жизни, а не искать для себя «благодатного гетто»? И ведом ли нам промысел Творца о «Людах воздуха»? Говоря об *Ordo quartus*, так называемом «четвертом сословии» — структурном интеграторе *Homines aeris*, автор указывает на его генетическое родство с сословием первым, то есть духовенством, некогда «промолчавшим» (вместо того чтобы возопить и деятельно возроптать), позарившись на светскую власть. Кто знает, может, сегодняшнему четвертому сословию уготована миссия иного прочтения коллизий прошлого тысячелетия? А *амбициозным корпорациям* (еще одной организационной форме постиндустриального «неопознанного субъекта»), нацеленным на «серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития», «собственное, оригинальное прочтение повседневности и горизонтов бытия», подчиняющимся *деспотизму идеи* как «наследию прежнего института корпоративной хартии» (С. 84), предначертана миссия выстраивания *подвижнической культуры*, не выдержавшей в эпоху Нового времени исторической конкуренции со светскими, институциональными и по сути своей гедонистическими формами социальной организации? Быть может, истинной борьбе «больших проектов» бытия еще только предстоит развернуться в этих подвижных пространствах, выявляющих и социализирующих внутреннюю позицию человека, ставящего его

по ту или иную сторону баррикад. Вспомним, что богоборческий марксизм, особенно на заре своего существования, явно нес в себе метафизический заряд, отыгранный им у разлагавшейся социальной стихии...

Проведенная «дешифровка» постиндустриальной проблематики книги в общем-то обесмысливает поиск в творчестве Неклессы периодов, отличающихся по своим мировоззренческим установкам. Но невозможно просто так списать со счетов и анализ Цымбурского, недвусмысленно, хотя и предельно корректно, указывающего на этатистскую доминанту прежних сочинений Неклессы и «воздушную» («атлантистскую») в ряде интерпретаций ориентацию его последних работ.

Автор послесловия упрекает Неклессу в том, что он, «полагая битву Модерна обреченной», «вроде бы не испытывает по этому поводу той скорби, которая должна была простекать из пафоса былых работ», а призывает «желающего утверждать в толчее проектов и брендов персональную христианскую позицию, то есть, попросту спасать душу, как он мог спасать ее во все времена» (С. 197). Нам представляется все же, что дело обстоит несколько иначе: просто при смене эпох анализ пределов и возможностей прежней социальной конструкции сменился анализом пределов и возможностей конструкции новой, незавершенной к тому же в своем

становлении... Как, наверное, выразился бы автор «книги, не прочитанной до конца».

Цымбурский очерчивает и делает выпуклой интеллектуальную динамику автора, который, констатируя неспособность сегодняшнего отечественного политического класса, да и самой власти, обеспечить прорыв в постиндустриальный мир, обращается к истории и опыту, обретенному западной цивилизацией. И здесь особенно остро звучит намек автора на возможность иных траекторий цивилизации, его слова о тупике, проникшем в мир из Античности (Аристотеля, особенно в исламской его интерпретации, арианства и его невидимого наследства и т. п.), линейном прочтении кодов бытия, апофеозом чего стала вся индустриальная цивилизация, выстроенная, однако, по мнению автора, «на песке». Непрочность этих оснований стала ощутимой лишь в наше время.

Где же выход из цивилизационной ловушки? Кажется, Неклесса видит его в возрождении нелинейной (тринитарной) логики, в становлении личности, воспринимающей и осознающей неоднозначность всех явлений и логики мира, чувствующей персональную ответственность за свою судьбу и другие судьбы, реализующей эту ответственность и «уповающей при этом на Провидение».

В. КРЕСТОВСКИЙ

